

ПРИЗЫВЪ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ОРГАНЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ И СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Подъ редакціей: Авксентьева, Алексинскаго, Аргунова, Бунакова, Воронова, Любимова (Марка 3—ра) и Плеханова.

PRIX:
10 cent.

№ 17.

Адресъ редакціи: M-r Lebedeff, 13, Avenue Reille, Paris. XIV.
Pour la redaction de l'Appel.

№ 17.

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ 10 СТРАНИЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: В. Вороновъ. — Время не ждетъ.
Г. Плехановъ. — Письмо къ т. Бурьянову. Н. Авксентьевъ. — О голосованіи военныхъ кредитовъ.
Г. Плехановъ. — Надо ли голосовать за военные кредиты? М. З. — Въ социалистическомъ интернаціоналѣ.
А. К. — Изъ хроники русскаго рабочаго движенія.
Ю. — Изъ письма волонтера.

Время не ждетъ.

Министръ Хвостовъ явился на засѣданіе бюджетной комиссіи съ депутатскаго, а не съ министерскаго подъѣзда и въ перерывѣ пилъ чай въ думскомъ буфетѣ съ Родзянко и другими депутатами. Но чаемъ и подъѣздомъ и исчерпались всѣ депутатскія черты этого, съ позволенія сказать, народнаго представителя. Ибо даже третьейумовская Дума, даже націоналистъ Савенко встали въ непримиримую позицію по отношенію къ политикѣ министра-депутата.

А г. Хвостовъ являлъ видъ весьма жалкій. Отъ того Хвостова, который такъ разглагольствовалъ передъ журналистами о «сильной власти», о благожелательномъ отношеніи къ Думѣ и къ печати, объ энергичной и неустанной борьбѣ съ дороговизной, такъ старательно игралъ подъ Столыпина, — осталось очень мало. Поилиняли столыпинскія краски, исчезли ноты «не запугаете» и передъ бюджетной комиссіей предстала жалкая, выпѣтшная маріонетка, которую сзади дергаетъ за веревочку германофильская черная сотня. Г. Милоковъ безпощадно высмѣялъ эту маріонетку съ претензіями на сильную и благожелательную власть.

«Сопоставьте его политику, — говорилъ Милоковъ — съ требованіями правыхъ съѣздовъ. То и другое совпадаютъ, какъ двѣ половины разорваннаго листа бумаги... Правые требовали, чтобы министръ, пользующійся ихъ довѣріемъ: 1) осудилъ блокъ, 2) содѣйствовалъ роспуску Думы, а затѣмъ несозыву Государственной Думы, 3) преслѣдовалъ печать, 4) преслѣдовалъ земскій и городской союзы, 5) велъ опредѣленную политику по національнымъ вопросамъ и 6) осуществилъ опредѣленную положительную программу по вопросамъ нѣмецкаго засилья и дороговизны. Что дѣлалъ министръ внутреннихъ дѣлъ? Онъ буквально исполнялъ этотъ политическій планъ».

Г. Хвостовъ заявлялъ еще раньше представителямъ печати, что условіемъ созыва Думы является «дѣловая программа» съ отнесеніемъ «деликатныхъ вопросовъ» въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Онъ выражалъ намѣреніе «присмотрѣть» за назначенными членами Госуд. Совѣта, какъ бы они не вступили въ составъ прогрессивнаго блока. По отношенію къ печати онъ, подъ видомъ военной цензуры, «возстановилъ худшіе приемы цензуры дореформеннаго времени. Заявилъ, что считаетъ преждевременными разговоры объ автономіи Польши, возстановилъ рядъ ограниченій противъ евреевъ...

У министра не хватило смѣлости поднять брошенную ему перчатку и онъ началъ жалко оправдываться: печать зависитъ не отъ него, съ дороговизной онъ лишь возможности бороться, и т. д. и т. д. И усиленно старался доказать, что онъ, министръ, не дѣлаетъ никакой политики, не является лицомъ, пользующимся довѣріемъ той или иной партіи. Старался снять съ себя обвиненіе въ томъ, что онъ, мечтающій о роли Столыпина, жалкая игрушка въ рукахъ герра риттера фонъ-Левашова, какъ язвительно называлъ Милоковъ лидера черносотенцевъ на засѣданіи совѣта старѣйшинъ Государственной Думы.

Но съ какого бы подъѣзда ни входилъ въ Думу г. Хвостовъ, какъ бы ни отрецивался онъ отъ роли министра, почтеннаго довѣріемъ черной сотни, — ясно для всѣхъ, что у кормила власти въ Россіи стоятъ ставленники герра риттера фонъ-Левашова и явнаго германофила Дубровина. Никогда еще Россія не доживала до такого цинично-открытаго позора, ибо дальше идти некуда.

У нѣкоторыхъ при видѣ этого позора безпомощно опускаются руки. Но чувство унынія охватило лишь ограниченные слои общества, а въ народныхъ низахъ и даже въ буржуазіи продолжаетъ хотя и медленно, хотя и съ перерывами идти впередъ процессъ собиранія силъ подъ лозунгомъ народной обороны. По прежнему, несмотря на злобныя завыванія черной сотни, идетъ работа общественныхъ организацій буржуазіи. Съ каждымъ днемъ расширяется и укрѣпляется кооперация. Въ сознаніи городского пролетаріата все болѣе и болѣе укореняется мысль объ организаціи революціи чрезъ національную оборону.

Но опасность господства черной сотни заключается, именно, въ томъ, что это господство непрерывно и постоянно дезорганизуеъ и внутреннюю жизнь страны и національную оборону. Организационной работѣ демократіи противопоставляются не только грубые механизмы

бованиями, а поддерживать въ ея отчаянной борьбѣ. Иное отношеніе сводилось бы «въ переводѣ на простой языкъ» — «къ отрицанію права націи на защиту своей самостоятельности и суверенности».

«Интернационалисты» возражаютъ противъ голосованія военныхъ кредитовъ и съ другой стороны. Голосуя кредиты, говорятъ они, социалисты согласія поддерживаютъ буржуазное правительство. Да, поддерживаютъ, отвѣчаю я. Но въ чемъ? Въ его империалистскихъ, захватническихъ планахъ? Нѣтъ, ибо сейчасъ не они фактически стоятъ передъ нимъ. Въ созданіи грозовой атмосферы въ Европѣ? Нѣтъ, ибо гроза уже разразилась. Они поддерживаютъ его въ организаціи обороны страны, которая по существу является дѣломъ общенациональнымъ. Организуя армію въ данный моментъ, снабжая ее деньгами, социалисты способствуютъ лишь отстаиванію самостоятельности націи.

Но вѣдь правительство то не измѣнилось за войну и подъ вліяніемъ войны, говорятъ «интернационалисты». Сейчасъ оно ведетъ защитительную войну. Но кто можетъ поручиться, что завтра, отбросивъ врага, вполне осуществивъ цѣли защиты, оно въ свою очередь не бросится на него и не начнетъ новаго — завоевательнаго — похода? Аппетитъ приходитъ во время ѣды! Очень возможно. Но развѣ социалисты Франціи, Англіи и т. д. теперешнимъ голосованіемъ военныхъ кредитовъ, теперешней поддержкой правительства въ его настоящей дѣятельности берутъ на себя обязательство поддерживать его и въ будущемъ? Отнюдь нѣтъ! Не даромъ заявили они въ Лондонѣ, что «рѣшительно выступаютъ противъ всякой попытки превратить войну изъ защитительной въ завоевательную». Въ такомъ случаѣ, обязанностью ихъ будетъ, конечно, не голосованіе кредитовъ, а борьба противъ нихъ, борьба противъ правительства. Но нельзя же въ виду возможной опасности — завоевательной войны — забывать реальную опасность, которой подвергаются теперь ихъ страны. Нельзя во имя будущаго долга забывать о настоящемъ. Поступать такъ — значило бы изъ боязни смерти заранее покончить самоубійствомъ. Поступать такъ — значило бы дѣйствительно проявить не пониманіе дѣйствительности, а тотъ догматизмъ, про который «Мысль», разсуждая о Швейцарцахъ, сказала: «нѣтъ болѣе опаснаго врага свободы, — опаснѣе милитаризма, — чѣмъ догматизмъ!»

И такъ, социалисты Франціи, Бельгіи, Англіи должны голосовать военные кредиты въ данный моментъ. Нѣсколько иной должна быть, по моему мнѣнію, тактика социалистовъ русскихъ. И опять потому, что «обстоятельства», при которыхъ приходится дѣйствовать имъ, совсѣмъ иныя. Русскіе социалисты, обязаны, подобно своимъ западно-европейскимъ товарищамъ, защищать страну, участвовать въ организаціи самообороны. Но вмѣстѣ съ этимъ передъ ними стоитъ и другая задача — сдѣлать эту самооборону общенароднымъ дѣломъ, демократизировать ее, ибо только тогда эта самооборона будетъ успѣшной.

И въ этомъ дѣлѣ созданія условій успѣшной защиты, въ этомъ конкретномъ дѣлѣ настоящаго момента, демократія противостоитъ правительству. Оно является помѣхой оборонѣ, больше того, — часто даже врагомъ ея и предателемъ интересовъ страны. Не вмѣстѣ съ правительствомъ приходится организоваться демократіи на дѣлѣ обороны, а противъ правительства и вопреки ему! Демократія питаетъ недовѣріе къ правительству, — социалисты должны воспитывать и учитывать это недовѣріе. Недовѣріе не къ будущимъ

дѣламъ правительства — къ возможной захватнической политикѣ и т. д. Недовѣріе къ настоящему веденію правительствомъ войны. Демократія хочетъ организовать оборону, ибо только тогда она отстоитъ себя. Правительство борется противъ этого потому, что это усиливаетъ демократію. Ради этой борьбы оно готово скомпрометтировать и компрометтировать фактически самую оборону.

Это специально русское «обстоятельство» не можетъ не отразиться и на тактикѣ социалистовъ. Должно отразиться на ней. Они не могутъ голосовать противъ военныхъ кредитовъ: это значило бы мѣшать оборонѣ страны, защищать которую они обязаны. Они не могутъ голосовать и за нихъ: это значило бы затушевывать ту борьбу, которая ведется между демократіей и правительствомъ именно на почвѣ организаціи обороны. Это значило бы оказать правительству довѣріе въ дѣлѣ этой организаціи. Это значило бы потерять удобный случай протеста во имя обороны противъ методовъ правящей бюрократіи, методовъ, приводящихъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію.

Николай Авксентьевъ.

Социалисты и голосованіе военныхъ кредитовъ.

(Отвѣтъ товарищу Авксентьеву).

I.

Я позволю себѣ высказать нѣкоторыя общія тактическія соображенія прежде, чѣмъ перейти къ частному вопросу о кредитахъ.

Много пришлось мнѣ поспорить на своемъ вѣку, но еще ни разу не приходилось имѣть дѣло съ противникомъ, съ которымъ я былъ бы до такой степени согласенъ, какъ согласенъ я въ данномъ случаѣ съ тов. Авксентьевымъ. И я очень радъ тому, что разногласіе между нами такъ ничтожно: оно не помѣшаетъ намъ отстаивать одну и ту же тактику, несмотря на то, что собственно по вопросу о военныхъ кредитахъ мы, можетъ быть, и не договоримся до полного единомыслія.

Отличительная черта тактики, защищаемой товарищемъ Авксентьевымъ, состоитъ въ томъ, что она не имѣетъ догматическаго характера. И это дѣлаетъ ее революціонной. Я говорю это не затѣмъ, чтобы польстить товарищу, съ которымъ вступаю въ полемику: онъ не нуждается въ моихъ комплиментахъ. И не затѣмъ, чтобы поддержать его въ дѣлѣ защиты пра-

вильной тактики: онъ и самъ хорошо отстаиваетъ свои тактическіе взгляды. Я говорю это единственно для того, чтобы обратить вниманіе читателей «Призыва» на этотъ законъ обратной пропорціональности:

Чѣмъ болѣе догматична данная тактика, тѣмъ менѣе она революціонна. И наоборотъ: чѣмъ болѣе она революціонна, тѣмъ менѣе въ ней догматизма.

А на этотъ законъ обратной пропорціональности мнѣ потому хочется обратить вниманіе читателей «Призыва», что въ немъ—все оправданіе моей публицистической дѣятельности. Я всегда былъ твердо убѣжденъ, что тактический догматизмъ есть грѣхъ противъ святого духа революціи, одинъ изъ тѣхъ смертныхъ грѣховъ, о которыхъ сказано: все простится, а они не простятся никогда. И я имѣю смѣлость думать, что товарищи, упрекавшіе меня въ тактическомъ оппортунизмѣ,—а меня упрекали въ немъ безчисленное множество разъ,—грѣшили именно этимъ смертнымъ грѣхомъ, измѣняли революціи ради вѣрности догмѣ или обряду, имѣющему только внѣшнее значеніе.

Покойный Вильгельмъ Либкнехтъ говорилъ, что если условія его практической дѣятельности измѣнятся въ 24 часа, то онъ сочтетъ себя обязаннымъ измѣнить свою тактику въ тотъ же короткій періодъ времени. Онъ рассуждалъ, какъ революціонеръ. А вотъ г. Л. Толстой всегда держался одной и той же тактики, (если можно употребить здѣсь это выраженіе). Разъ провозгласивъ свой принципъ непротивленія злу насиліемъ, онъ съ упрямствомъ сектанта твердилъ до конца своей жизни, что не можетъ быть такихъ обстоятельствъ при которыхъ позволительно было бы отказаться отъ этого принципа. Если бы зулусъ захотѣлъ съѣсть моего ребенка, говорилъ онъ, я не позволилъ бы себѣ вступить въ борьбу съ зулусомъ. Тутъ, какъ видите, нѣтъ ни одного атома тактического оппортунизма. Но было ли что нибудь революціонное въ этой тактикѣ, заранѣе осужденной на неизмѣнность? Ровно ничего! Никогда насиліе не господствовало бы такъ безпрепятственно надъ міромъ, какъ въ томъ случаѣ, если бы большинство людей усвоило себѣ ученіе Толстого. Считаю себя непримиримымъ врагомъ насилія, Толстой на самомъ дѣлѣ былъ самымъ вѣрнымъ его слугою.

Кстати, Толстой очень ошибался, считая свое ученіе истиннымъ христіанствомъ. Иисусъ, какъ его изображаетъ евангеліе, былъ, въ противоположность Толстому, рѣшительнымъ врагомъ того, что я называю тактическимъ догматизмомъ, т. е. догматизмомъ по отношенію къ способамъ достиженія данной цѣли. Онъ гордо называлъ себя господиномъ субботы и съ упрекомъ говорилъ книжникамъ и фарисеямъ: «хорошо ли, что вы отмѣняете заповѣдь Божию, чтобы соблюдать свое преданіе»? Я очень рѣдко ссылаюсь на Иисуса и совѣтъ не считаю его образа идеальнымъ. Для меня гораздо болѣе привлекателенъ Эсхилъ Прометей. Но, — странное дѣло! — когда поднимаются у насъ тактическіе споры, мнѣ всегда вспоминается именно Иисусъ и его отношеніе къ субботѣ.

«Случилось (въ субботу Г. П.) войти ему въ синагогу и учить. Тамъ былъ человекъ, у котораго правая рука была сухая. Книжники же и фарисеи наблюдали за нимъ, не исцѣлитъ ли въ субботу, чтобы найти обвиненіе противъ него... Тогда сказалъ имъ Иисусъ: спрошу я васъ, что должно дѣлать въ субботу? Добро или зло? Спасти душу или погубить ее? Они молчали. И посмотрѣвъ на всѣхъ ихъ сказалъ тому человѣку: протяни

руку твою. Онъ такъ и сдѣлалъ, и стала рука его здорова, какъ другая. Они же пришли въ бѣшенство и говорили между собою, что бы имъ сдѣлать съ Иисусомъ»...

Вотъ такъ бываетъ и въ нашей революціонной средѣ: люди приходятъ въ бѣшенство противъ тѣхъ, для которыхъ «заповѣдь Божія» важнѣе «преданія». И эти люди по привычкамъ мысли, какъ двѣ капли воды, похожи на фарисеевъ и книжниковъ, хотя отстаиваютъ не Моисеевъ законъ, а программу социаль-демократіи или социалистовъ-революціонеровъ. И мнѣ всегда хочется поставить имъ вопросъ: что должно дѣлать въ субботу, спасать душу или губить ее, — виноваты: какъ долженъ вести себя революціонеръ, губить дѣло революціи или стараться привести его къ торжеству, не стѣсняясь никакимъ «преданіемъ», обѣивая каждый данный тактический пріемъ лишь въ мѣру его революціонной цѣлесообразности?

Что такое наша «заповѣдь Божья»? Что такое нашъ высшій законъ? Высшій законъ революціонера, единственная заповѣдь которой онъ не долженъ измѣнять никогда, нигдѣ и ни при какихъ условіяхъ, которой онъ долженъ оставаться вѣрнымъ до послѣдняго своего издыханія, можетъ быть выражена тремя словами: успѣхъ революціоннаго дѣла. Съ точки зрѣнія этой непререкаемой, этой единственной неизмѣнной заповѣди и слѣдуетъ судить обо всемъ нашемъ «преданіи», т. е. обо всѣхъ нашихъ способахъ дѣйствія, обо всѣхъ нашихъ тактическихъ пріемахъ.

Допустимы, достойны похвалы всѣ способы и пріемы, способствующие успѣху революціоннаго дѣла; недопустимы и достойны осужденія тѣ — которые мѣшаютъ ему. Вотъ нашъ Моисей, вотъ наши пророки. Все остальное—суета суетъ и томленіе духа!

Но у насъ привыкли рассуждать иначе. У насъ дорожатъ извѣстными способами и пріемами не потому, что они цѣлесообразнѣе всѣхъ прочихъ, — ни одинъ пріемъ, ни одинъ способъ не можетъ оставаться наиболѣе цѣлесообразнымъ при всякихъ условіяхъ, — а потому, что имъ приписываются какія-то особые внутреннія достоинства, независимыя отъ ихъ цѣлесообразности. Благодаря этому, средства, которыя должны быть подчинены цѣли, сами дѣлаются цѣлью. А когда средство превращается въ цѣль, тогда упускается изъ виду та главная цѣль, ради которой и было придумано это средство, и тогда замедляется достиженіе этой главной цѣли.

Тактическая «ортодоксія» всегда сильно мѣшала нашей революціонной партіи успѣшно служить своему революціонному дѣлу. Она явилась для нея источникомъ тяжелыхъ ошибокъ 1905—1906 гг. Она завела въ тупикъ мнимаго, утопическаго интернационализма тѣхъ изъ нашихъ социалистовъ, которые «не пріемлютъ войны» и, ведя несвоевременную пропаганду, оказываютъ услугу милитаризму. Наконецъ, она же грозитъ опять толкнуть русскихъ революціонеровъ на ложную дорогу теперь, когда война, роковымъ образомъ будя общественное самосознаніе, тѣмъ самымъ опять ставитъ у насъ на очередь столкновеніе между защитниками стараго режима съ одной стороны и тѣми, весьма разнообразными общественными элементами, жизненные интересы которыхъ нарушаются этимъ порядкомъ. Чтобы наши революціонеры исполнили свою обязанность передъ народомъ въ этомъ процессѣ чаростанія общественной самостоятельности, надо, чтобы они не повторили своихъ старыхъ ошибокъ и, то крайней мѣрѣ, не помѣшали

объединенію разрозненныхъ освободительныхъ усилій. Я потому говорю: «по крайней мѣрѣ не помѣшали бы», что многіе изъ нашихъ крайнихъ тѣвыхъ считаютъ хорошимъ тономъ, какъ бы правиломъ революціоннаго «*comme il faut*», безпощадно атаковать умѣренную оппозицію. Легко понять, что начиная войну съ врагами нашихъ враговъ, мы, революціонеры, служимъ дѣлу реакціи.

Кто изъ насъ не убѣжденъ, кто не повторяетъ, что крайняя революціонная партія должна выступать въ роли руководительницы нашего освободительнаго движенія? Но какъ только на аренѣ этого движенія выступаютъ другіе общественные элементы, менѣе энергичные въ борьбѣ со старымъ порядкомъ, но все-таки ведущіе такую борьбу, многіе наши товарищи настоятельно требуютъ, чтобы крайняя революціонная партія немедленно устремилась именно противъ этихъ элементовъ и уподобилась тому купцу у Г. И. Успенскаго, который, — помните? — вступивъ въ битву съ полиціей, «распространилъ вокругъ себя пространство» и остался на мѣстѣ дѣйствія одинъ, какъ «Мининъ-Пожарскій» на площади. Спора нѣтъ, купчина показалъ себя молодцомъ! Но согласитесь, что руководителю совѣтъ не годится «распространять» вокругъ себя пространство» и поставить себя въ одинокое положеніе «Минина-Пожарскаго». Между тѣмъ тактика распространенія вокругъ себя пространства до такой степени пользуется у насъ общимъ одобреніемъ, что, — какъ я уже сказалъ въ статьѣ «Двѣ линіи революціи», — ей слѣдуютъ даже люди, въ сущности не имѣющіе ровно никакого основанія относить себя къ числу крайнихъ.

II.

По моему мнѣнію, «Призывъ», за которымъ навсегда останется огромная заслуга предостереженія трудящейся массы Россіи отъ страшной ошибки «пораженчества», могъ и долженъ былъ взять на себя благодарную задачу выяснить сознательнымъ представителямъ этой массы истинную основу революціонной тактики. И мнѣ было очень пріятно видѣть, что нашъ органъ смѣло подходит къ рѣшенію этой задачи. А самое большое удовлетвореніе доставило мнѣ, признаюсь, то обстоятельство, что именно съ точки зрѣнія названной тактики этотъ органъ, въ лицѣ т. Авксентьева, взглянулъ даже на вопросъ о голосованіи военныхъ кредитовъ.

Не только у насъ, но и во всемъ социалистическомъ мірѣ, область этого вопроса до сихъ поръ остается той областью, гдѣ ради «преданія» особенно часто забывается «заповѣдь Божья». Въ своей статьѣ т. Авксентьевъ сдѣлалъ интересную цитату изъ «Мысли», которая была совершенно права, — *une fois n'est pas coutume!* — выступившихъ противъ не по разуму усердныхъ социаль демократовъ, голосовавшихъ военные кредиты въ Швейцаріи. Положимъ, поведение этихъ швейцарскихъ социаль-демократовъ представляется мнѣ довольно понятнымъ. По всей вѣроятности, они подпали подъ влияние газеты «*Berner Tagwacht*», въ своихъ разсужденіяхъ о войнѣ, давно уже щеголяющей въ тѣхъ анархо-синдикалистическихъ сапогахъ, въ которыхъ нѣкогда выступалъ товарищъ Г. Эрве на съѣздахъ французской социалистической партіи, но которые онъ забросилъ въ старый хламъ, убившись въ ихъ полной негодности. Нельзя ожидать,

чтобы курочка бычка родила, поросеночекъ яичко снесъ или анархо-социалистъ разсуждалъ и поступалъ, какъ слѣдуетъ поступать и разсуждать социалисту. Гораздо огорчительнѣе поведение сербскихъ социаль-демократовъ. Они, казалось, не были заражены анархо-синдикализмомъ. И тѣмъ не менѣе они голосовали противъ военныхъ кредитовъ даже тогда, когда ихъ злополучную страну безпощадно давилъ салогъ австро-германскаго милитаризма. Это-ли не полнѣйшее подчиненіе челоуѣка субботѣ? Но именно потому, что, при обсужденіи вопроса о военныхъ кредитахъ, суббота слишкомъ часто закабаляетъ себя челоуѣка, я горжусь тѣмъ, что «Призывъ» и здѣсь возвышается надъ догматическимъ «преданіемъ» и разсматриваетъ вопросъ о кредитахъ съ точки зрѣнія челоуѣка, а не съ точки зрѣнія субботы.

Надѣюсь, что мнѣ легко будетъ столкнуться съ т. Авксентьевымъ. А если эта моя надежда и не оправдается, если каждый изъ насъ останется при своемъ мнѣніи, то все-таки всякому будетъ ясно, что разногласіе между нами совѣтъ незначительно и отнюдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могли бы помѣшать намъ общими силами отстаивать правильные тактические взгляды вообще, а въ частности нашу позицію по вопросу о національной самооборонѣ.

Т. Авксентьевъ всецѣло признаетъ, что въ переживаемый нами историческій моментъ «соціалисты Франціи, Бельгіи, Англіи должны голосовать военные кредиты». Но въ Россіи дѣло обстоитъ, по его словамъ, иначе. Подобно своимъ западно-европейскимъ товарищамъ, русскіе социалисты обязаны защищать свою страну, но имъ мѣшаетъ въ этомъ правительство. И это спеціально русское обстоятельство, какъ называется его т. Авксентьевъ, должно отразиться и на нашей парламентской тактикѣ. Русскіе социалисты «не могутъ голосовать противъ военныхъ кредитовъ: это значило бы мѣшать оборонѣ страны, защищать которую они обязаны, — говоритъ онъ. — Они не могутъ голосовать и за нихъ: это значило бы затушевывать ту борьбу, которая ведется правительствомъ и демократіей именно на почвѣ организаціи обороны». Поэтому т. Авксентьевъ предпочиталъ бы, чтобы наши социалисты воздержались отъ голосованія военныхъ кредитовъ и при этомъ объяснили свой поступокъ приблизительно такъ: «Мы за оборону. Мы призываемъ всю демократію къ дѣйствительной организаціи этой обороны... Но мы противъ способовъ веденія войны правительствомъ. Не организуетъ оно страну для отпора врагу, а дезорганизуетъ ее, не укрѣпляетъ, а ослабляетъ» и т. д.

Вотъ тутъ-то и начинается разногласіе между нами. На мой взглядъ, эта мотивировка выдвигаетъ такія послышки, изъ которыхъ слѣдуетъ не то, что надо воздерживаться отъ голосованія кредитовъ, а, — какъ разънапротивъ, — то, что надо голосовать за нихъ.

Кто не противъ войны, а только противъ извѣстныхъ способовъ ея веденія, тотъ поступитъ логичнѣе, подавъ свой голосъ за военные кредиты, — ибо «безъ денегъ невозможны никакіе способы отраженія врага, — но въ то же время энергично выступивъ противъ правительства, практикующаго вредные способы.

Потому-то я и совѣтовалъ нашимъ социаль-демократическимъ депутатамъ голосовать за кредиты, но при этомъ сдѣлать свои оговорки; онѣ необходимы», прибавилъ я въ своемъ письмѣ къ т. Бурьянову. Дѣлая такія оговорки, наши социаль-демократы имѣли полную

возможность избѣжать опасности, указанной т. Авксентьевымъ: опасности «затусевать ту борьбу, которую ведетъ правительство и демократія на почвѣ обороны». Отъ ихъ искусства зависѣло бы не затусевать эту борьбу, а, наоборотъ, освѣтить ее яркимъ свѣтомъ. И именно тѣмъ, что они голосовали бы за кредиты, они отняли бы у сторонниковъ правительства послѣднюю возможность «затусевать» указанную борьбу, исказивъ ея истинный смыслъ.

Когда крайніе тѣвые депутаты воздержались бы при голосованіи кредитовъ, тогда защитники правительства могли бы сказать: «крайнимъ тѣвымъ нужна внутренняя смута, а не борьба со внѣшнимъ врагомъ; если бы они серьезно дорожили интересами русскаго народа, на шею котораго нѣмецкій империализмъ стараются накинута арканъ экономической и политической эксплуатаціи, то они не воздержались бы при голосованіи военныхъ кредитовъ». И эти слова могли бы, пожалуй, сбить съ толку нѣкоторую часть трудящагося населенія. Они могли бы затусевать въ ея глазахъ то, существенно важное, отличие между отечествомъ и начальствомъ, пониманіе котораго безусловно необходимо для развитія политическаго сознанія въ народѣ.

Народъ инстинктивно чувствуетъ, что онъ непремѣнно долженъ отразить непріятельское нападеніе, грозящее ему такой опасностью, какой онъ едва ли подвергнется послѣ Смутаго Времени или нашествія на русскую землю варварскихъ полчищъ Батыя. Если бы онъ заподозрилъ, что революціонеры хотятъ помогать внѣшнему врагу или, по крайней мѣрѣ, отказываются принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ нимъ, то онъ съ презрѣніемъ и ненавистью отодвинулся бы отъ революціонеровъ и придвинулся бы къ реакціонерамъ. Вотъ почему социалисты обязаны избѣгать поступковъ, способныхъ возбудить въ народѣ подобное подозрѣніе. Къ числу такихъ поступковъ принадлежитъ, по моему, и воздержаніе отъ подачи голоса въ пользу военныхъ кредитовъ.

Правда, политическое сознаніе русской трудящейся массы сдѣлало огромные успѣхи въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій. Теперь значительная часть ея уже понимаетъ, что не царь, а революціонная партія отстаиваетъ народные интересы. Но часть не составляетъ цѣлаго. Рядомъ съ сознательными элементами трудящагося населенія существуютъ — безсознательные. Задача революціонной партіи заключается въ томъ, чтобы вносить свѣтъ сознанія въ головы безсознательныхъ. Вѣдь, если бы все трудящееся населеніе было сознательно, то не было бы и нужды въ революціонной партіи, такъ какъ тогда уже былъ бы осуществленъ ея идеалъ. А если задача революціонной партіи заключается въ томъ, чтобы дѣлать безсознательныхъ сознательными, то она обязана заботливо избѣгать всего того, что могло бы замедлить процессъ такого превращенія. Мы обязаны, какъ чумы, избѣгать поступковъ, способныхъ возбудить подозрительность темной части населенія и оживить въ ней предрасудки, которые она унаслѣдовала отъ того стараго времени, когда въ Россіи не существовало никакихъ революціонеровъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова и которымъ черная сотня обязана своимъ возникновеніемъ. «Пораженцы» этого не понимаютъ. А я, въ свою очередь, понимаю ихъ непониманіе: «пораженцы» — это именно тѣ книжники и фарисеи революціоннаго дѣла, для которыхъ суббота важнѣе чело- вѣка. Доразвившись до пониманія той истины, что че-

ловѣкъ несравненно цѣннѣе субботы, а революціонное дѣло безконечно важнѣе любого изъ своихъ внѣшнихъ проявленій (напр. того или другого голосованія и т. п.), они отказались бы отъ своего «пораженчества», какъ отъ нелѣпой ошибки*). Но мы не «пораженцы», и мы не можемъ не понимать, до какой степени обязательна для насъ указанная тактическая осторожность.

Повторяю, отъ нашихъ социалистическихъ депутатовъ зависѣло такъ изобразить вредную роль правительства въ нашей національной самооборонѣ, что отъ этого затрещала бы гранитная набережная Невы. И тутъ имъ нѣсколько не повредило бы голосованіе за военные кредиты. Напротивъ! Оно помогло бы имъ однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ.

Во-первыхъ, оно сдѣлало бы даже для темной массы населенія очевиднымъ, что лгутъ реакціонеры, утверждая будто крайняя партія въ душѣ сочувствуетъ внѣшнему врагу**).

Во-вторыхъ, оно обратило бы вниманіе сознательной части населенія на то, что путь къ свободѣ совпадаетъ съ путемъ къ побѣдѣ надъ внѣшнимъ непріателемъ, какъ выразились мы въостѣдствіи въ своемъ воззваніи.

Я прошу читателей «Призыва» вспомнить, что я писалъ свое письмо къ Бурьянову задолго до появленія этого воззванія. Въ то время позволительно было опасаться вліянія «пораженческой» проповѣди на передовые рабочіе кружки, находящіеся въ болѣе или менѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ интеллигенціей. И чтобы предупредить это вліяніе, нужно было прибѣгнуть къ сильному средству. Такимъ и явилось бы голосованіе кредитовъ. Чѣмъ больше противорѣчило бы оно нашему тактическому «преданію», тѣмъ больше привлекло бы оно вниманіе рабочихъ къ его мотивировкѣ. А чѣмъ внимательнѣе отнеслись бы рабочіе къ его мотивировкѣ, тѣмъ лучше поняли бы они, что побѣда германскаго империализма повредитъ интересамъ пролетаріата больше, нежели интересамъ всѣхъ остальныхъ классовъ русскаго населенія, такъ какъ въ огромной степени уменьшитъ шансы дальнѣйшаго экономическаго развитія Россіи, а потому и ея политическаго освобожденія. Само собою разумѣется, что и эту истину соц.-дем. депутаты могли, — отнюдь не злоупотребляя революціонной фразой, — изложить такъ, что вторично затрещала бы невиская набережная. Другими словами, очень легко было бы имъ и здѣсь избѣжать всякаго «затусевыванія».

Читатели «Призыва» могутъ согласиться съ моими доводами. Они могутъ не согласиться съ ними. Но мнѣ хотѣлось бы думать, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ имъ теперь будетъ понятно, почему именно я высказался въ пользу голосованія военныхъ кредитовъ даже въ Россіи. На всякій случай, ко всему сказанному

*) Этимъ я не хочу сказать, что «пораженчество» коренится неключительно въ революціонномъ, хотя бы и совсѣмъ неосмысленномъ настроеніи. Пѣтъ, кромѣ революціонеровъ, по неразумнѣи своему стремящихся подрубить тотъ сукъ, на которомъ они сидятъ, между «пораженцами» много оппортунистовъ, съ большимъ скептицизмомъ относящихся къ революціонному способу дѣйствій. Расчеты на поражение Россіи внѣшнимъ врагомъ издавна играютъ не малую роль въ развитіи нашего оппортунизма. Я изложу это подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

**) Это было бы полезно и въ смыслѣ вліянія на армию. Все, что могло бы вызвать или поддерживать недовѣріе арміи къ противникамъ стараго порядка, оказывало бы колоссальную услугу реакціонерамъ. Чтобы избѣжать этого, стоить пожертвовать любымъ «преданіемъ» и должно помнить, что добро можно сдѣлать даже и въ субботу.

Выше о моихъ общихъ тактическихъ взглядахъ я прибавлю слѣдующую краткую исповѣдь русскаго революціонера.

III.

Еще въ 1889 г., въ рѣчи, произнесенной мною на международномъ социалистическомъ съѣздѣ въ Парижѣ, я сказалъ, что революціонное движеніе въ Россіи восторжествуетъ, какъ движеніе пролетаріата или вообще не восторжествуетъ. Послѣдующій ходъ развитія русской общественной жизни могъ только еще болѣе убѣдить меня въ справедливости этой мысли. Поэтому, когда Германія объявила войну Россіи, я не могъ не спросить себя: какъ отразится пораженіе этой послѣдней на нашемъ рабочемъ движеніи? Не будучи круглымъ невѣждой въ экономическихъ вопросахъ, я понималъ, что побѣда германскаго империализма явится сильнѣйшимъ препятствіемъ на пути экономическаго развитія Россіи. А такъ какъ въ своемъ качествѣ марксиста, я думалъ и думаю, что экономика въ послѣднемъ счетѣ всегда сильнѣе политики, то для меня сейчасъ же стало ясно, что пораженіе Россіи, — очень сильно замедливъ ея экономическое развитіе, а стало быть и ростъ ея рабочаго движенія, тѣмъ самымъ весьма значительно отдалитъ время политической эмансипаціи Россіи. И тогда я сказалъ себѣ: если бы русскіе революціонеры вздумали мѣшать самооборонѣ Россіи, то они уподобились бы сказочному дурню, рубившему гу вѣтку, на которой онъ сидѣлъ.

Конечно, глубокое сочувствіе торжеству русскаго революціоннаго движенія, не мѣшало мнѣ быть интернаціоналистомъ, т. е. рѣшительно осуждать всякую эксплуатацію одной страны другою. И если бы Россія могла отстоять условія, благоприятныя для ея дальнѣйшаго экономическаго развитія, только посредствомъ угнетенія какой нибудь другой страны, то я считалъ бы себя и своихъ товарищей равнвенно обязанными выступить противъ борьбы а такіа условія. Но въ данномъ случаѣ рѣчь шла не объ угнетеніи другой страны Россіей, а объ угнетеніи Россіи другою страной. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла объ эксплуатаціи нашего трудящагося населенія нѣмецкими юнкерами, нѣмецкой буржуазіей и, — надо смотрѣть прямо въ лицо даже крайне печальнымъ истинамъ! — нѣмецкимъ пролетаріатомъ, который, подчинившись развращающему и разслабляющему вліянію соціалъ-демократическаго «ревизионизма», нацелъ, что и ему небезвыгодно будетъ поддержать хищническую политику германскихъ империалистовъ. Поэтому я сказалъ себѣ: интернаціоналистъ не только можетъ съ покойной совѣстью поддержать вооруженную борьбу противъ подобныхъ эксплуататорскихъ поштынокъ, но прямо обязанъ поддерживать ее всѣми силами, чѣмъ сердцемъ и всѣмъ мышленіемъ, если не хотѣть измѣнить себѣ, если не желаетъ перестать быть революціонеромъ. Жалокъ тотъ пролетаріатъ, который способенъ съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свое право чѣмъ бы то ни было покушеній на это. До сихъ поръ мы, марксисты, въ борьбѣ съ «ревизионизмомъ» пользовались оружіемъ критики. Теперь для марксистовъ всѣхъ тѣхъ странъ, на которые пала Германія, пришла пора критиковать съ пощью оружія. И я сталъ устно и печатно высказываться въ этомъ смыслѣ*).

) Этими не исчерпываются всѣ побужденія, опредѣлившія мое отношеніе къ нынѣшней войнѣ. Какъ революціонеръ, я не могъ быть равнодушенъ къ судьбѣ Франціи, страшной и по истинѣ славной революціи. Точно также

Но во всякомъ положеніи есть своя логика. Разъ поставленный историческими событіями въ положеніе революціонера, который ради самыхъ насущныхъ интересовъ своего дѣла долженъ поддерживать войну съ германскимъ империализмомъ, я иду до конца, не смущаясь никакимъ тактическимъ «преданіемъ», утверждаю, что добро слѣдуетъ дѣлать даже и въ субботу, и что, если голосованіе въ пользу военныхъ кредитовъ хоть немного подвинетъ насъ къ нашей цѣли, то мы не имѣемъ права не голосовать въ ихъ пользу.

Когда я писалъ свое письмо къ Бурьянову, положеніе дѣлъ было таково, что даже воздержаніе отъ голосованія военныхъ кредитовъ могло очень вредно отразиться на политическомъ сознаніи трудящейся массы: Въ виду этого я написалъ: воздержаніе было бы трусостью. Теперь, благодаря измѣненію обстоятельствъ, вредъ отъ воздержанія былъ бы уже не такъ страшно великъ. Но все-таки воздержаніе и теперь вредно повлияло бы, по моему крайнему убѣжденію, на политическое сознаніе нашего народа. Въ виду этого я и теперь повторяю:

Надо голосовать за военные кредиты!

Г. Плехановъ.

Въ социалистическомъ Интернаціоналѣ.

«Соціалистъ», центральный органъ испанской социалистической партіи пишетъ по поводу манифеста послѣдняго конгресса французскихъ социалистовъ:

«Мы приводимъ ниже текстъ манифеста, принятаго національнымъ конгрессомъ нашихъ французскихъ товарищей. Мы приводимъ его съ глубокимъ удовлетвореніемъ, смѣемъ даже сказать — съ законной гордостью, ибо манифестъ этотъ является выраженіемъ мысли, которой мы руководились съ начала войны».

Эта мысль является теперь передъ нашими глазами, какъ истина, которую только недалекіе умы будутъ неспособны понять и принять. Вотъ эта истина: въ настоящихъ трагическихъ обстоятельствахъ мѣсто социалистовъ рѣшительно должно быть на сторонѣ націй, которыя борются противъ грубаго милитаризма центраальныхъ имперій».

Переводимъ съ французскаго нижеслѣдующую цитату изъ ст. Каутскаго, помѣщенной въ Vorwaerts'ъ.

«Наша позиція (т. е. позиція соціалъ-демократіи М. З.) по отношенію къ войнѣ не можетъ быть разъ навсегда опредѣлена заранее. Она зависитъ отъ характера войны, отъ обязанностей, которыя она налагаетъ. Тактика можетъ измѣниться во время войны. Такъ, въ 1870 г. какъ нѣмецкіе, такъ и французскіе социалисты измѣнили свою позицію. Послѣдніе, послѣ паденія Имперіи, проповѣдовали сопротивленіе завоевателю до крайности, въ то время, какъ первые измѣнили позицію одобренія войны, принявъ въ началѣ большинствомъ, въ тактику оппозиціи. Исходя изъ этой точки зрѣнія я питаю убѣжденіе, что наши французскіе и бельгійскіе товарищи находятся въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ мы, и что поэтому ихъ позиція въ этой войнѣ не можетъ служить для насъ линіей поведенія.»

Лучше поздно, чѣмъ никогда!

я не могъ не сознавать, что побѣда Германіи на долго обезпечила бы германскому «ревизионизму» преобладаніе въ Интернаціоналѣ. Но въ мою краткую «исповѣдь» входитъ лишь то, что касается Россіи.